



УДК 323.269

ЧИРУН Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент кафедры истории России Кемеровского государственного университета (650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6; Sergii-Tsch@mail.ru)

НИКОЛАЕВ Артем Владиславович – аспирант Кемеровского государственного университета (650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6)

ЗАЙЦЕВА Валерия Алексеевна – аспирант Кемеровского государственного университета (650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СЕТЕВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПОСТМОДЕРНА

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных политических технологий, а также возможностям и ограничениям, связанным с процессом их реализации. Политические акторы активно применяют сетевые интернет-технологии в своих политических проектах. Взаимодействие политических акторов на сетевых площадках создает различные формы сетевых интеракций, отражающих сложность и морально-этическую противоречивость ряда политических технологий. Однако подобные технологии приобретают особую актуальность и востребованность в политическом процессе постмодерна, описываемого в категориях гетерархии, перформативности, контекстуальности, дискретности и симуляции. Особого внимания, по мнению автора, заслуживают сетевые технологии как наиболее перспективная для ситуации постмодерна форма реализации политической субъектности в публичной политике.

Ключевые слова: политические технологии, сети, Интернет, постмодерн, коммуникация, симуляция

В ситуации постмодерна политические технологии являются эффективным инструментом достижения/разрушения общественной стабильности.

На сегодняшний день не существует четкое определение политических технологий. Например, известные политтехнологи-практики указывают на 6 подходов к их определению: инструментальный, коммуникативный, психологический, стратегический, лидерский и моделирующий [Минченко 2004: 25-27].

Анализ методологии существующих подходов к исследованиям сетевых политических технологий свидетельствует о том, что здесь могут находить активное применение концепция многоступенчатой коммуникации, концепция публичной сферы, методология постмодернизма, сетевой подход, неструктурализм, неоинституционализм, теория повестки дня, метод когнитивного картирования, интент-анализ, дискурс-анализ, а также множество других современных методов и теорий [Чирун 2016: 13].

Изолированный в своей субъектности [Арендт 2000: 76], человек постмодерна соприкасается с политическими симулякрами, заменяющими реальность.

В сетевых политических технологиях постмодерна используется огромное число «виртуальных личностей» – ботов (киберсимулякров), не имеющих ничего общего с конкретными личностями, но симулирующих реальных людей, от имени которых боты участвуют в виртуальных общественно-политических дискурсах.

Операторы таких киберсимулякров, используя инструменты социальных сетей и блогов, влияют на политическое сознание реально существующих интернет-пользователей. Для киберсимулякров прописывается своя собственная история сетевой активности, создаются хроники пребывания в Интернете за несколько лет, максимально адаптированные к ментальности тех людей, от имени которых будет выступать конкретный бот. В итоге киберсимулякр становится максимально правдоподобным аналогом реальной личности.

Масштабы применения указанной технологии столь велики, что даже возник

и стал популярным термин «война ботов». В этой сетевой войне специалисты используют аккаунты-симулякры и осуществляют с их помощью своего рода коммуникационную симуляцию.

Еще одна политическая технология, в рамках которой применяются киберсимуляторы, основывается на генерации фейковых аккаунтов от лица иных политических акторов.

Через такие фейковые аккаунты достигается дискредитация политического объекта посредством передачи контента, негативно влияющего на его восприятие целевыми аудиториями¹.

Технология стигматизации используется для компрометации, снижения рейтинга и популярности политических фигур. Для этих целей используются негативные ярлыки [Becker 1997: 156-161], например: «жулик и вор», «сепаратист», «гей», «фашист», «агент госдепа», «коррупционер», «сурковская пропаганда» и т.д.

Для стигматизации в интернет-пространстве может использоваться технология хэштегов, которыми сопровождается политическая информация. Такая технология используется во многих социальных медиа, например в *LiveJournal*, *YouTube*, *Twitter* и *Facebook*². Эта технология довольно эффективна, поскольку любой контент, содержащийся даже в нейтральном сообщении, при использовании хэштега получает иную интерпретацию, нежели «чистое» сообщение. Кроме того, популярные хэштеги формируют сетевые мемы.

Отцом теории мемов принято считать американского политолога Р. Докинса [Dawkins 1976: 172].

В основе понятия *memes* [Докинз 1993: 132], которое обычно произносят как «мемы», лежит греческое «мимос» – «подражание». Отсюда мем – это информационная единица, существующая в пространстве имитации, мимикрии и подражания. Постмодернистскую пикантность мему придает заявка на трансформацию стереотипов и изменение политического сознания масс. Подобно сетевым вирусам, мемы успешно развиваются в современных сетевых коммуникациях.

Даже сами политические доктрины можно рассматривать в качестве сложных мемов [Castells 2009: 347]. В технологии создания мемов формируется среда доступа, необходимая для принятия сетевой аудиторией основного мема. Затем мем должен быть ретранслирован. Для этого могут использовать технологию *sock puppet revolution* – когнитивный аналог того, как если оператор-сетевик на обе руки надевает по кукле и публично разыгрывает некий фиктивный политический сценарий. В данной технологии используется множество «сетевиков» – нанятых сотрудников, каждый из которых управляет некоторой совокупностью ботов.

В результате субъект, взаимодействующий с сетевым узлом, передает через своих ботов комплекс готовых мемов, формируя иллюзию политической активности.

Технология «спираль молчания» применяется в политтехнологической практике для формирования внешней видимости массовой поддержки тех или иных политических решений, партий, лидеров, в результате чего граждане, имеющие оппозиционные взгляды, опасаются высказываться, чтобы не утратить свой символический капитал [Чирун 2012: 117]. Поскольку граждане скрывают свои реальные политические взгляды и позиции, формируется искажающий

¹ Фейковые аккаунты знаменитостей в русскоязычном Twitter. Доступ: <http://www.cossa.ru/articles/152/11622/> (проверено 10.01.2018).

² Гудков Л.Д. Российскому обществу присущи элементы государственно-крепостного сознания: интервью. Доступ: http://www.qwas.ru/belarus/ucpb/id_73243/ (проверено 25.02.2018).

механизм обратной связи, в котором искаженное общественно-политическое пространство воздействует на граждан, предпочитающих примкнуть к доминирующему мнению, утаивая собственные убеждения. В социальных сетях технология спирали молчания достигается посредством осуществления репостов с единообразными по смыслу пользовательскими комментариями, что создает эффект всеобщего одобрения или, напротив, осуждения того или иного политика или политического решения.

В качестве базы для реализации этой технологии эксперты выделяют низкую самоорганизацию гражданского общества, проблемы реализации диалога с государственной властью, несформировавшееся демократическое сознание масс [Ирхин 2012].

Метод контролируемой утечки инсайда применяется для трансляции информации, полученной из неназванных, но якобы авторитетных источников.

Данную технологию часто применяют для превенции реакции общества на политические решения, и если реакция окажется негативной, то инсайд трактуется как провокация политических оппонентов.

Технология семантического манипулирования используется в политике при обозначении отношения к политическим процессам через символические значения, с которыми у населения связаны определенные ассоциативные наборы, непосредственно влияющие на восприятие политической информации общественным сознанием. Технологизированное конструирование семантических структур позволяет в латентной форме генерировать у целевых аудиторий необходимое представление о политической реальности.

Технология объективизации используется в политике и заключается в формировании фактологических рядов, наглядно представляющих не существующий в политической практике тренд, после чего общественное мнение убеждают в реальности данного тренда и, наконец, воплощают этот тренд.

Технология тоннельного сознания заключается в акцентировании нескольких взаимоисключающих радикальных альтернатив. Здесь моделируется ситуация, в рамках которой существует лишь искусственно ограниченный выбор альтернатив, когда других альтернатив субъект либо не знает, либо не воспринимает их всерьез. В результате общественности навязывают модели поведения, основанные на якобы единственно верном политическом решении. Часто технология тоннельного сознания реализуется в паре с технологией единой лодки, которая базируется на потребности индивида ощущать себя частью общества. Данная технология предполагает внушение, что определенная модель политического участия является единственно правильной, поскольку отвечает интересам больших социальных общностей. Для достижения иллюзии всеобщности могут использоваться массовые фейковые комментарии ботов (киберсимуляторов) якобы от лица определенной общности.

Технология научности применяется в политической практике для убеждения целевой аудитории посредством так называемых экспертных мнений. Для этого в сознание целевой аудитории внедряются такие вербальные штампы, как: по мнению экспертов; специалисты утверждают; ученые доказали; данные опросов ВЦИОМа свидетельствуют; политологи констатируют и т.д., формируя востребованное политическим актором (заказчиком) отношение масс к различным аспектам политической реальности. Многие лидеры общественного мнения (ЛЮМы) имеют аккаунты с миллионами подписчиков, каждый из которых, в свою очередь, может являться распространителем политического контента. Здесь целевое воздействие осуществляется на горизонтально-сетевом уровне, в отличие от традиционных схем вертикальной трансляции политического контента, и характеризуется большим доверием к информации.



В числе наглядных примеров реализации сетевых политических технологий можно назвать проект подготовки и представления общественных петиций в государственные органы *Change.org*¹.

Н. Хомский ввел в научный оборот популярный ныне термин *mainstream media (MSM)* [Chomsky 1997], обозначающий каскад информационных организаций, формирующих новостную повестку. MSM интегрируются в новые медиа, становясь площадками для политических дебатов и последующего распространения контента со стороны пользователей. Политическая технология MSM является эффективным инструментом *soft power* (мягкой силы) и может применяться политическим субъектом для трансляции пропагандистского контента под видом публичных гражданских инициатив.

Данная технология предполагает активное убеждение других пользователей в своей правоте и воспринимается большинством как самостоятельная точка зрения пользователя, и, следовательно, уровень доверия к ней может быть очень высоким [Бернейс 2010: 79].

Например, профессор В. Кросби отмечает, что если ранее пропаганда руководствовалась принципом «один – ко многим», то пропаганда в MSM работает по принципу «многие для многих» [Crosbie], что в целом соотносится с теорией инженерии согласия Э. Бернейса [Бернейс 2014]. Более того, модель MSM можно даже назвать самоорганизующейся инженерией согласия.

MSM моделируют в политических движениях мощный социально-психологический симулякр единства, основанный на принципах интерактивности и демократичности, что, в свою очередь, придает даже малочисленной политической оппозиции уверенность в своих силах.

Для акторов, представляющих политическую оппозицию, задачами применения MSM-технологий могут являться дискредитация политической элиты и руководства страны; создание образа врага в лице представителей государственной власти; разрушение обыденного символического тезауруса в сегментах информационного пространства; формирование одномерных когнитивных моделей политической реальности; генерация моделей протестного политического участия и мобилизация на их основе протестных групп для участия в политическом процессе; внедрение инновационных символических и культурных кодов, используемых для генерации новых моделей мировосприятия и политического участия.

Анализ политических MSM-технологий демонстрирует единый алгоритм их реализации:

- внедрение в социальные сети латентных пользовательских аккаунтов с последующей их активизацией. В первую очередь речь идет о *You Tube, Facebook, Twitter*;
- монополизация информационной повестки дня, трансляция собственной объяснительной модели политической реальности;
- мобилизация масс на участие в публичной политике (демотиваторы, плакаты, видеоролики, хэштеги, мемы, политические слоганы). Однако, как справедливо отмечают эксперты, наличие политической информированности (в ситуации информационного общества) слабо коррелирует с активизмом в публичной политике [Vimber 1998].
- вирусное распространение максимально визуализированной информации в социальных сетях о политических акциях, в т.ч. информации о задержанных и арестованных.

Для политтехнолога интернет-сети важны и как механизм оперативного и

¹ <https://www.change.org/> (проверено 07.01.2018).

эффективного оповещения значительного числа пользователей об организуемом протестном мероприятии. Интерфейс сайтов социальных сетей позволяет осуществлять массовые рассылки приглашений. Технология работает так, что любая информация, даже не связанная напрямую с протестной активностью пользователя в социальной интернет-сети, используется для распространения информации о протесте.

Однако в условиях клиентелы и «административного рынка» сетевая технологизация политики становится «зоной политического риска для российской системы власти в силу ее архаичности и повышенной инерционности» [Мальшева 2018: 41].

На успешность сетевого оповещения об акциях протеста в немалой степени влияет так называемая идентичность пользователей. Сеть позволяет использовать различные контакты и связи пользователя с целью вызвать интерес к конкретному политическому мероприятию и побудить присоединиться к активу группы [Чирун 2015].

Известно, что анализ сетевых данных осуществляется разведкой США для эффективного прогнозирования трендов общественно-политического развития¹.

Наиболее популярные интернет-ресурсы, такие как Facebook, Google, Gmail и YouTube, применяют технологию идентификационных cookie-файлов и персональных веб-маяков, отслеживающих интересы и индивидуальную сетевую активность пользователя. Таким образом совершенствуются технологии принятия политических решений на основе массива данных.

Указанный тезис разрабатывается Дж. Коэном и Э. Шмидтом, которые утверждают, что в ближайшем будущем возможно появление онлайн-личностей, которые вначале возникнут в информационной сети, а лишь затем — в реальном мире [Шмидт, Коэн 2013: 44].

Последние годы наблюдается активный рост числа онлайн-сервисов, дающих возможность гражданам осуществлять анонимную и безопасную социально-политическую коммуникацию друг с другом. Наиболее популярными инструментами такого рода являются сервисы анонимной работы в сетях.

Для политологов и политиков особое значение приобретает технологический потенциал сетевой политической коммуникации, ее возможности в деле активизации потенциальных политических сторонников, что непосредственно реализуется в эффективной организации фандрайзинга и публичных акций. Однако в условиях постмодерна практики политической коммуникации пребывают в гибридном институционально-сетевом пространстве, открывающем новые возможности для реализации политическими акторами своего функционала и создающим риски ослабления институционального контроля.

Поэтому скептики усматривают в развитии сетевых форм коммуникации угрозу дегуманизации общества и превращения его в конгломерат электронных личностей, лишенных традиционных социальных ценностей [Мальшева 2018: 44].

Резюмируя все сказанное выше, можно отметить, что в настоящее время арсенал отечественных политических технологий постоянно расширяется и совершенствуется. В условиях постмодерна и всеобщей медиатизации политических процессов гибридный политический режим стремится к повышению собственной легитимности, используя современные коммуникационные технологии,

¹ Barton Gellman, Laura Poitras. U.S., British intelligence mining data from nine U.S. Internet companies in broad secret program. — *The Washington Post*. 07.06.2013. URL: http://www.washingtonpost.com/investigations/us-intelligence-mining-data-from-nine-us-internet-companies-in-broad-secret-program/2013/06/06/3a0c0da8-cebf-11e2-8845-d970ccb04497_story.html (accessed 14.12.2017).



где сетевая политическая коммуникация может рассматриваться в качестве фактора, способствующего развитию публичной политики и делиберативной демократии.

Вместе с тем сетевые особенности организации данного рода коммуникаций существенно затрудняют возможности административного контроля за применением сетевых технологий в политическом процессе и способны осложнить реализацию репрессивной практики против политических диссидентов.

Список литературы

Арендт Х. 2000. *Vita activa, или О деятельной жизни* (пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина). СПб: Алетейя. 437 с.

Бернейс Э. 2010. *Пропаганда* (пер. с англ. И. Ющенко). М.: Hippo Publishing. 176 с.

Бернейс Э. 2014. Инженерия согласия. – *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 122-131.

Докинз Р. 1993. *Эгоистичный ген* (пер. с англ. Н.О. Фоминой). М.: Мир. 318 с.

Ирхин Ю.В. 2012. Институционализм и неоинституционализм: направления и возможности анализа. – *Социально-гуманитарные знания*. № 1. С. 58-77.

Малышева Г.А. 2018. О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества. – *Власть*. № 1. С. 40-46.

Минченко Е.Н. 2004. *Универсальные избирательные технологии и страновая специфика: опыт российских политических консультантов*. М.: Международный институт политической экспертизы. 80 с. Доступ: http://www.minchenko.ru/netcat_files/pdf/universalqnye_stranovye_tehnologii.pdf (проверено 10.01.2018).

Чирун С.Н. 2012. *Гражданское общество Российской периферии на примере Кузбасса*. Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing. 173 с.

Чирун С.Н. 2015. Метауправление сетевыми структурами как основание молодежной политики в ситуации постмодерна. – *Политические институты и процессы*. Кемерово. № 2. С. 16-21.

Чирун С.Н. 2016. *Молодежная политика в состоянии постмодерна: государство, власть, общество*: автореф. дис. ... д.пол.н. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ). 45 с.

Шмидт Э., Коэн Д. 2013. *Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств* (пер. с англ. С. Филина). М.: Манн, Иванов и Фербер. 368 с.

Becker H. 1997. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. New edition. Simon & Schuster Ltd. 224 p.

Bimber B. 1998. The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism. – *Polity*. Vol. 31. No. 1. P. 133-160.

Castells M. 2009. *The Information Age. Economy, Society, and Culture*. Vol. 1. *The Rise of the Network Society*. 2nd edition. Wiley-Blackwell. 656 p.

Chomsky N. 1997. What Makes Mainstream Media Mainstream. – *Z Magazine*. October. P. 17-23.

Crosbie V. What Is New Media? URL: <http://www.sociology.org.uk/as4mm3a.doc> (accessed 10.01.2018).

Dawkins R. 1976. *The Selfish Gene*. London: Oxford University Press. ix + 224 p.

CHIRUN Sergei Nikolaevich, *Dr.Sci. (Pol.Sci.)*, Associate Professor of the Chair of Russian History, Kemerovo State University (6 Krasnaya St, Kemerovo, Russia, 650000; Sergii-Tsch@mail.ru)

NIKOLAEV Artem Vladislavovich, *postgraduate student*, Kemerovo State University (6 Krasnaya St, Kemerovo, Russia, 650000).

ZAITSEVA Valeria Alekseevna, *postgraduate student*, Kemerovo State University (6 Krasnaya St, Kemerovo, Russia, 650000).

POLITICAL TECHNOLOGIES IN THE NETWORK REALITY OF POSTMODERNITY

Abstract. The article is devoted to the analysis of topical political technologies, as well as the opportunities and limitations associated with the process of their implementation. Political actors actively use network Internet technologies in their political projects. The interaction of political actors on network platforms creates various forms of network interactions that reflect the complexity and moral and ethical inconsistency of a number of political technologies. However, such technologies acquire a topicality and relevance in the political process of postmodernity, described in the categories of heterarchy, performativity, contextuality, discreteness and simulation. Special attention, according to the authors, deserve network technologies as the most promising form of implementation of political subjectness in public policy for the situation of postmodernity.

Keywords: political technologies, networks, Internet, postmodernity, communication, simulation

ВАСИЛЕНКО Ирина Алексеевна – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4 «Шуваловский»; vasilenko.irina@mail.ru)

«УМНЫЙ ГОРОД» КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ СМАРТ-ТЕХНОЛОГИЙ В ГОРОДСКОМ РЕБРЕНДИНГЕ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы формирования «умного города», опирающегося на умное управление, умную среду обитания человека, умные технологии городских коммуникаций. Автор считает, что развитие смарт-технологий происходит столь стремительно, что ученым пока не удалось по-настоящему осмыслить возможности и границы их применения и разработать концепцию «умного города» как гуманистический проект во благо всестороннего развития человека. Поэтому сегодня важно осмыслить лучшие мировые и отечественные практики внедрения смарт-технологий в городскую среду и увидеть не только достижения, но также проблемы и вызовы.

Ключевые слова: «умный город», «умный дом», смарт-технологии, опасности и риски

Сегодня внедрение смарт-технологий означает создание современной динамичной системы городских коммуникаций, сохранение окружающей среды с помощью безотходных производств, использование энергосберегающих технологий, экологичного транспорта и пр. Другими словами, внедрение смарт-технологий в городскую среду становится на наших глазах одним из самых важных направлений в политике современного города – грандиозным социально-политическим проектом.

Проблема состоит в том, что развитие смарт-технологий происходит столь стремительно, что ученым пока не удалось по-настоящему осмыслить возмож-